

Г.М. Лазарев

**Развитие государственной
власти в древнем мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г.М. Лазарев**
Развитие государственной власти в древнем мире / Г.М. Лазарев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 100 с.

ISBN 978-5-4241-8138-2

ISBN 978-5-4241-8138-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. Введение.

Среди научных проблемъ, съ древнѣйшихъ временъ тревожившихъ умъ человѣка, едва ли не важнѣйшее мѣсто принадлежитъ проблемамъ политическимъ. Государству отдаленнѣйшей эпохи уже соответствовало современное ему политическое учение. Исторія покрыла землю развалинами государствъ; но на обломкахъ однихъ, поглощенныхъ исторіей, возникли другія, новыя государства, или утверждались уже существовавшія прежде. Государство, какъ форма общежитія, непрерывно развивалось, крѣпло, а съ нимъ развивалось и мышленіе о государствѣ — политическая философія.

Значеніе
государ-
ствен-
ныхъ про-
блемъ.

Все это ставитъ изслѣдованіе государственныхъ явленій въ особенно благоприятныя условія, въ томъ смыслѣ, что подлежащій научной обработкѣ матеріалъ представляется очень обильнымъ, а возможность историческаго изслѣдованія въ этомъ направленіи простирается почти до граней историческаго сознанія вообще. Поэтому, конечная задача государствовѣдѣнія—въ ряду прочихъ гуманитарныхъ наукъ—является наиболѣе благодарной, съ точки зрѣнія общей для этихъ наукъ программы, намѣченной еще Кантомъ: изучить силы, создавшія продуктъ прошлаго, и привести къ освобожденію этихъ силъ съ тѣмъ, чтобы онѣ могли вполне сознательно создать дѣло будущаго.

Но помимо того общаго значенія, какое имѣетъ государствовѣдѣніе въ цѣломъ классѣ наукъ, госу-

дарственные проблемы имѣютъ и свое особенное значеніе, далеко выдвигающее ихъ изъ другихъ дисциплинъ.

Для оцѣнки этого особеннаго значенія необходимо имѣть ввиду слѣдующее.

Государство, какъ форма общежитія, зародившаяся въ отдаленнѣйшее время, и не вызывающая теперь ни въ комъ сомнѣній относительно своего весьма продолжительнаго существованія въ будущемъ, въ историческомъ развитіи характеризуется переходомъ отъ одного устройства къ другому и связаннымъ съ этимъ переходомъ переживаніемъ политическихъ бурь и потрясеній.

И такъ какъ государственные перевороты, свидѣтельствующіе о гибкости, приспособляемости и вытекающей отсюда долговѣчности государства, какъ формы общежитія, являются (съ одной стороны, конечно) аккомодацией этой универсальной общежительной формы къ извѣстнымъ широко ощущаемымъ потребностямъ и стремленіямъ, то самый переходъ отъ одного государственнаго устройства къ другому совершается ввиду цѣли, въ наше время, обыкновенно, излагаемой во вступительныхъ въ формальныя конституціи статьяхъ.

При этомъ всякій государственный переворотъ, какое бы основаніе онъ ни имѣлъ, характеризуется несомнѣннымъ психологическимъ признакомъ—стремленіемъ къ лучшему образу жизни, независимо отъ того, чѣмъ этотъ лучший образъ жизни представляется: удовлетвореніемъ ли вопіющихъ экономическихъ потребностей, достиженіемъ ли чисто политическихъ стремленій или, наконецъ, воплощеніемъ несбыточныхъ и утопическихъ мечтаній, которыя, хотя и не создаютъ переворотовъ, но всегда сопро-

вождаютъ ихъ и играютъ не малую роль въ переходныя эпохи, въ качествѣ возбудителей, усиливающихъ дѣйствіе основныхъ причинъ (1).

Этотъ психологическій моментъ революцій нашелъ общую формулировку уже у Аристотеля. „Безъ яснаго представленія о наилучшемъ образѣ жизни—читаемъ мы въ «Политикѣ»—представленіе о наилучшемъ государственномъ устройствѣ неясно“ (2).

Но, если всякія представленія, даже идеальныя не могутъ быть разсматриваемы внѣ вліянія на нихъ среды и момента, то это вліяніе должно наиболѣе сильно сказываться на образованіи представленій, касающихся самой же среды; поэтому представленіе объ идеальномъ, наилучшемъ образѣ жизни въ свою очередь обусловлено не только государственнымъ состояніемъ человѣка, но въ значительной степени и опредѣленнымъ государственнымъ устройствомъ.

Слѣдовательно, на идеальнѣе наилучшаго образа жизни и связанный съ ними идеальнѣе наилучшаго государственнаго устройства прежде всего оказываетъ вліяніе самое государство.

Это можетъ быть объяснено—какъ общимъ закономъ—выработкой въ самихъ гражданахъ мыслей и чувствъ, гармонирующихъ съ установленной регулятивной структурой (3); съ болѣе специальной, юридической точки зрѣнія, взаимная зависимость между государственнымъ идеаломъ и существующей юриди-

(1) По мнѣнію Вл. Ив. Ка, крупныя государственныя перевороты никогда не являлись слѣдствіемъ и результатомъ простаго оппортунизма. (Право современнаго государства. Перев. СПб. 1903. Кн. I, стр. 23).

(2) «Политика». (Пер. Скворцова. Москва, 1893). Кн. IV, гл. I, стр. 144.

(3) Г. Спенсеръ. Развитие политическихъ учреждений (Пер. СПб. 1882). Гл. II, стр. 32.

ческой организаціей является результатомъ педагогическаго воздѣйствія правовыхъ нормъ ⁽¹⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что вышеуказанное положеніе Аристотеля въ послѣдовательномъ логическомъ проведеніи терпитъ ограниченіе въ противоположномъ положеніи: „безъ яснаго представленія о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, представленіе о наилучшемъ образѣ жизни неясно“.

Изъ этого необходимаго ограниченія легко заключить, что государственно-научныя изслѣдованія, — въ большей или меньшей степени, — но всегда выражающія извѣстныя политическія переживанія общественныхъ массъ, и, въ свою очередь, могущія оказывать на нихъ вліяніе путемъ широкаго своего распространенія, непосредственно служатъ общей цѣли: отысканію идеала наилучшей жизни. На этомъ утверждается особенное, выдающееся значеніе проблеммъ государствовѣдѣнія, причемъ въ данномъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ не столько теорія науки, сколько ея телеологія (политика).

Методологическія замѣчанія.

Считая, такимъ образомъ, существеннымъ признакомъ государственныхъ явленій неотдѣлимость ихъ отъ извѣстнаго психическаго состоянія массъ, чрезъ которое проявляются и дѣйствуютъ законы общежитія, мы должны имѣть ввиду то значеніе, какое имѣютъ для государственной науки ея психологическія основанія; при этомъ необходимо замѣтить, что психологическая сторона изслѣдуемыхъ явленій въ интересующемъ насъ вопросѣ — о верховной власти — играетъ особенно большую роль, такъ какъ существо отношенія властвованія и природа власти могутъ

⁽¹⁾ Петражицкіѣ. Введеніе въ изученіе права и нравственности. (СПб. 1905). Пред. VII.

быть установлены лишь путем психологического анализа (1).

Фокусомъ, собирающимъ и опредѣляющимъ политическія настроенія, являются государственныя ученія, которыя придаютъ мало сознаннымъ еще, аморфнымъ переживаніямъ опредѣленный характеръ; въ этомъ неизмѣнный смыслъ и значеніе государственныхъ ученій, какъ бы ни былъ въ нихъ индивидуаленъ въ лицѣ отдѣльнаго автора уголъ преломленія общихъ политическихъ настроеній.

Эта связь между природой и характеромъ государственнаго общежитія и его теоріей указывается и послѣдовательно приводится Ч и е р и н ы мъ подъ названіемъ „параллелизма мысли и учреждений“ (2). Но, поскольку наука стремится къ выясненію истинныхъ соотношеній между явлениями и къ необходимо строгой терминологіи, понятіе „параллелизма“ является несоотвѣтствующимъ опредѣляемому явленію.

Параллелизмъ явленій, свидѣтельствующій объ ихъ внѣшнемъ совпаденіи и являющійся результатомъ только эмпирическаго наблюденія, неприложимаго къ изученію общежительныхъ явленій, представляетъ собою *x*, который разрѣшается установленіемъ связи между параллельно существующими явленіями. Съ точки зрѣнія этой связи излагаетъ государственную исторію М. К о в а л е в с к і й, односторонне указывая на зависимость политической мысли отъ политической жизни (3), и упуская изъ виду болѣе глубокую связь и болѣе сложное взаимоотношеніе въ сосуще-

(1) Е л л и н е къ. Право современнаго государства. Кн. I, стр. 50.

(2) Исторія политическихъ ученій. (Москва, 1869), т. I, стр. 26. Курсъ государственной науки (Москва, 1894), т. I, гл. I.

(3) М. К о в а л е в с к і й. Отъ прямого народоправства къ представительному, и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. (Москва, 1906) Т. I, вст. III.

ствованіи указанныхъ явленій. Дѣло въ томъ, что каждое явленіе изъ того и другого порядка—политическая мысль и государственное учрежденіе—взятое отдѣльно, но по отношенію другъ къ другу, представляетъ одновременно причину и слѣдствіе. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло не съ параллелизмомъ, но съ причиннымъ взаимодействіемъ явленій, установленіе котораго важно потому, что разъясняетъ сферу изслѣдованія, и, тѣмъ самымъ, не можетъ не вліять на методологическіе приемы.

Въ наукѣ государственнаго права, отличающейся, по мнѣнію Еллинака, отсутствіемъ продуманной методологіи и „величайшей въ этомъ отношеніи путаницей“⁽¹⁾, установились два традиціонные приема, наиболѣе отчетливо различаемые подъ именемъ „философскаго“ и „историческаго“ методовъ⁽²⁾.

Не касаясь по существу того, возможно ли въ данномъ случаѣ говорить о двухъ методахъ, а не объ одномъ и томъ же, но въ приложеніи къ двумъ сторонамъ одного сложнаго явленія, мы полагаемъ недопустимымъ въ виду научныхъ пріобрѣтеній приложеніе одного только „метода“, и не столько потому, что одностороннее изслѣдованіе грозитъ, по песимистическому взгляду Блюнчли, мрачными политическими осложненіями⁽³⁾, сколько потому, что каждый „методъ“ въ отдѣльности не исчерпываетъ изучаемаго явленія.

Говоря вообще о методологическихъ основаніяхъ Государственной науки, нельзя не остановиться на томъ странномъ, но обыкновенномъ фактѣ, что ме-

(1) Право современнаго государства. Кн. I, стр. 15.

(2) Bluntschli. Allgemeines Staatsrecht. (München, 1868) Band I, cap. X, 28.

(3) Bluntschli. Ibid, 30.

тоды ея различаются не по существу, не по тѣмъ приѣмамъ, которые составляютъ своеобразный, отличительный для нихъ путь умозаключеній, но по тѣмъ точкамъ зрѣнія, которыя занимаютъ по отношенію къ изучаемымъ явленіямъ государственной жизни ихъ изслѣдователи.

Несомнѣнно, что разныя стороны одного и того же явленія могутъ отличаться другъ отъ друга настолько, что въ теоріи ихъ окажется необходимость приложенія разныхъ методологическихъ приѣмовъ; однако, различіе точекъ зрѣнія на изслѣдуемая явленія и даже различіе отдѣльныхъ дисциплинъ одной и той же науки, само по себѣ, не можетъ явиться рѣшающимъ моментомъ для выбора и опредѣленія метода. Если бы въ другихъ отрасляхъ знанія, напр., въ области естественныхъ наукъ многообразіе методовъ обуславливалось только свойствами предмета изслѣдованія, то получилось бы неисчислимое множество „методовъ“, т. е. то, чего нѣтъ въ естествознаніи, и что невыгодно отличаетъ гуманитарныя науки.

Общее ученіе о государствѣ далеко идетъ путями этихъ логическихъ неправильностей, дифференцируя свою методологію даже съ возможныхъ на данный предметъ точекъ зрѣнія. Отсюда „методы“: историческій и историко-догматическій; философскій и абстрактно-идеологическій; объективный и субъективный; историко-политическій и юридическій. Отсюда все множество методовъ и отсутствіе опредѣленной методологіи и та величайшая путаница, о которой свидѣтельствуетъ Еллинекъ, и печальный результатъ ея, сказавшійся на положеніи главнѣйшихъ проблеммъ государственной жизни.

Отсутствіе научно-опредѣленной методологіи вы-

разилось въ публицистической литературѣ обиліемъ теорій и политическихъ системъ, противорѣчащихъ другъ другу. Самый фактъ противорѣчія теорій даетъ возможность сдѣлать два допущенія: либо одна какая-либо теорія вѣрна, и тогда всѣ другія имѣютъ отрицательное значеніе, т. е. предупреждаютъ возможность ошибокъ, либо всѣ теоріи (или большинство) отчасти правильны, потому что не исчерпываютъ подлежащаго научному изслѣдованію матеріала. Это второе допущеніе можетъ быть принято à priori изъ выясненія практикуемыхъ въ наукѣ о государствѣ „методовъ“, представляющихъ одностороннее (чаще всего дедуктивное) изслѣдованіе тѣхъ или иныхъ явленій. Большинство теорій имѣетъ такое частичное значеніе.

Все это осложняетъ пользованіе тѣмъ обильнымъ матеріаломъ, какой имѣется въ распоряженіи у современной науки въ томъ смыслѣ, что необходимо составляетъ не упускать изъ виду весь матеріалъ, слычать и синтезировать результаты одностороннихъ изслѣдованій. Впрочемъ, трудность этой работы искупается относительной плодотворностью ея результатовъ. Въ литературѣ уже было указано, что только совпаденіе результатовъ всѣхъ практикуемыхъ „методовъ“ даетъ болѣе или менѣе полную картину изслѣдуемаго явленія и свидѣтельствуетъ о приобрѣтеніи научнаго факта (1).

Важность и значеніе историческаго матеріала не только для историческихъ изслѣдованій, но и для теоретическихъ конструкцій обусловлены еще тѣмъ, что нѣкоторыя государственныя явленія, оставаясь

(1) М. Ковалевскій. Сравнительно-историческое правовѣдніе, его отношеніе къ социологіи и методы сравнительнаго изученія права. (Сборн. общ. юр. зн. В. I. 1899).

по существу неизмѣнными, въ теченіи историческихъ періодовъ и отдѣльныхъ эпохъ не могли не измѣнять собственныхъ признаковъ (т. н. *proptia*), характеризующихъ данное конкретное состояніе. А такъ какъ въ опредѣленіе общихъ понятій должны войти только родовые признаки и видовые (*genus proximum et differentia specifica*), то представляется необходимымъ отбросить всѣ собственные признаки, какъ временное историческое наслоеніе.

Въ этомъ смыслѣ особенно необходима историческая точка зрѣнія для опредѣленія понятія верховной власти, какъ явленія древнѣйшаго, измѣнявшагося въ исторіи по собственнымъ признакамъ—принадлежностямъ эпохъ, но всегда бывшаго отличительнымъ признакомъ государства, единымъ по существу.

Понятіе
верховой
власти.

Древнѣйшіе историческіе періоды, въ которые власть носила слѣды своего недавняго происхожденія, отмѣтили ея теологическій характеръ. Не касаясь древнѣйшихъ государствъ Востока, непосредственно съ нашей культурой не связанныхъ, мы можемъ утверждать это и относительно греческихъ государствъ, гдѣ власть имѣла безотносительный авторитетъ, подавляющую силу и могущество, и гдѣ философскія ученія выводили ее изъ воли божества, изъ владычества вѣчнаго незыблемаго закона, выразителемъ котораго въ человѣческомъ обществѣ и должна быть неоспоримая власть государства. (П л а т о н ъ. А р и с т о т е л ь).

Тотъ же характеръ, но въ освѣщеніи новой культуры имѣла верховная власть въ средніе вѣка. Въ то время, государственной власти была противопоставлена иная власть — власть Церкви и патримониальныхъ правителей небольшихъ, но многочислен-

ныхъ владѣній; въ успѣшной борьбѣ съ Церковью и феодальнымъ самовластіемъ государственная власть крѣпла, приобретаѣая отличительный признакъ ея современнаго состоянія—суверенитетъ, какъ независимость ея отъ какой-либо иной власти ⁽¹⁾.

Основанія теологической государственной теоріи вытекали изъ общаго характера средневѣковаго міросозерцанія, центромъ котораго была Церковь.

Церкви по господствовавшей теоріи „Двухъ мечей“ принадлежало даже первенство власти (Б л. А в г у с т и н ъ).

Наступившая затѣмъ эпоха Возрожденія характеризовалась и возрожденіемъ абсолютизма власти, свойственнаго древности, но получившаго въ теоріи новыя обоснованія, вытекавшія изъ появившейся тогда науки объ обществѣ, съ ея механическимъ пониманіемъ общества, съ ея ученіемъ объ изолированномъ догосударственномъ состояніи индивида и о договорѣ въ цѣляхъ установленія государства.

На этой отвлеченной теоретической основѣ строилось ученіе о происхожденіи власти изъ договора, имѣвшее огромное историческое значеніе по тѣмъ его видоизмѣненіямъ, какія это ученіе терпѣло въ зависимости отъ существовавшихъ государственныхъ формъ и господствовавшихъ политическихъ настроеній.

Со временемъ развитія абсолютизма совпадаетъ деспотическій видъ договорной теоріи, по которому всѣ отказываются отъ своей воли въ пользу одного, дѣлающагося субъектомъ верховной власти. (Г о б б е с ъ).

На той же договорной основѣ появляется радикальный видъ договорной теоріи, по которому

(1) Еллинекъ. Право современнаго государства. Кн. III, 288 и сл.